

Сперанский Михаил Михайлович

**Дружеские письма графа М.М.
Сперанского к П.Г. Масальскому,
писанные с 1798 по 1819 год, с
историческими пояснениями,
составленными К. Масальским, и
некоторые сочинения первой
молодости графа М.М.
Сперанского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М69

М69 **Михаил Михайлович С.**
Дружеские письма графа М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского / Сперанский Михаил Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 158 с.

ISBN 978-5-519-75100-1

ISBN 978-5-519-75100-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отечества? Родового прозванія родители его не имѣли, а фамилію Сперанскаго получилъ онъ при поступленіи во Владимірскую семинарію, въ которой получилъ первое образованіе. Блестящіе успѣхи въ наукахъ проложили ему путь въ Санктпетербургскую Александро-Невскую семинарію (*), гдѣ преподавались высшія науки и гдѣ онъ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на двадцать первомъ году удостоенъ былъ званія магистра и самъ уже сдѣлался прѣфектомъ и учителемъ физики, математики и краснорѣчія. Меньшой братъ нашего знаменитаго дипломата князя Александра Борисовича Куракина, бывшаго посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ I, тайный совѣтникъ и камергеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II, опредѣлилъ Сперанскаго при себѣ домашнимъ секретаремъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Павла, князь Алексѣй Борисовичъ назначенъ былъ, 4-го декабря 1796 года, генералъ-прокуроромъ и началъ довѣрять Сперанскому не только свои домашнія, но и важныя государственныя дѣла. Извѣстно, что тогда званіе генералъ-прокурора равнялось званію перваго министра. Сочиняемые Сперанскимъ бумаги своею ясностью, необыкновенною силою и чистотою слога обратили на себя вниманіе Императора Павла, который спросилъ однажды у князя: «кто это у тебя такъ прекрасно сочиняетъ бумаги?» Князь назвалъ Сперанскаго и доложилъ притомъ, что онъ очень желалъ бы перевести его изъ духовнаго вѣдомства въ свою канцелярію, но что это выходитъ изъ обыкновеннаго порядка, и что митрополитъ, дорожа Сперанскимъ, не хочетъ его уступить (**).

«А желаетъ къ тебѣ перейти на службу Сперанскій?»

(*) Эта семинарія въ 1797 году была преобразована въ духовную академию.

(**) Анекдотъ этотъ, еще ребенкомъ, я часто слышалъ отъ отца моего.

спросилъ Императоръ. — «Очень желаетъ!» отвѣчалъ князь. — «Такъ я объяснюсь съ митрополитомъ, и все это дѣло улажу къ общему удовольствію и къ пользѣ общей.» Черезъ нѣсколько дней магистръ Сперанскій, 2-го января 1797 года, былъ переименованъ въ титулярные совѣтники и опредѣленъ въ канцелярію генераль-прокурора. Не смотря на то, что князя Куракина замѣнилъ въ этой должности князь Лопухинъ, потомъ Беклешовъ, а послѣ Оболеновъ, Сперанскій сохранилъ все прежнее свое вліяніе на государственныя дѣла, и въ два года своей службы въ канцеляріи генераль-прокурора, за необыкновенные труды и заслуги свои, достигъ чина статскаго совѣтника въ началѣ 1799 года. Въ 1801 году Сперанскій былъ опредѣленъ директоромъ при министрѣ удѣловъ Трошинскомъ, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и причисленъ, въ званіи статсъ-секретаря, къ государственному совѣту. Въ 1803 году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, испросилъ его къ себѣ въ директоры, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря. Въ 1808 году Сперанскій былъ назначенъ директоромъ комиссіи составленія законовъ, и въ томъ же году Высочайше утверждено составленное имъ образованіе духовныхъ училищъ.

При назначеніи его товарищемъ министра юстиціи, было поручено ему въ 1809 году все управленіе новопріобрѣтенною Финляндіею и главное начальство надъ Абоскимъ университетомъ. Улучшеніе способа преподаванія въ Россіи, приращеніе училищныхъ капиталовъ, введеніе новой финансовой системы, новое образованіе государственнаго совѣта и новое учрежденіе для всѣхъ министерствъ, установленіе бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ, учрежденіе капитала погашенія долговъ, исправленіе законодательства и стремленіе къ утвержденію тверда-

го, законнаго порядка вмѣсто произвола и злоупотреблений,—все это составляет историческіе труды Сперанскаго, которыхъ мы и половины не исчислили.

Императоръ Александръ I такъ оцѣнилъ и полюбилъ Сперанскаго, что проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ искренней бесѣдѣ о мѣрахъ, нужныхъ для блага Россіи.

Въ 1808 онъ взялъ его съ собою въ Эрфуртъ, гдѣ было назначено свиданіе и совѣщаніе съ Наполеономъ I о дѣлахъ Европы. Совѣщанія эти, на которыхъ участвовали короли Саксонскій, Баварскій, Вестфальскій, Виртембергскій и другіе, длились съ 27-го сентября по 14-е октября по новому стилю. Наполеонъ былъ восхищенъ умомъ Сперанскаго и, по окончаніи совѣщаній, подарилъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами, а король Пруссскій пожаловалъ ему орденъ краснаго орла первой степени. Сперанскій привезъ изъ Эрфурта портретъ Наполеона во весь ростъ, въ мундирѣ того времени, гравированный Фридрихомъ Арнольдомъ и раскрашенный, и подарилъ отцу моему. Этотъ портретъ, по словамъ М. М. Сперанскаго, былъ очень похожъ. Рѣдкость эта донынѣ хранится въ моемъ кабинетѣ.

Въ 1809 году Сперанскій былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника, и когда государственный совѣтъ получилъ въ 1810 году, по проекту Сперанскаго, новое образованіе,—онъ, 1-го января 1810 года, былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Всѣ дѣла, которыя разсматривались и рѣшались въ Совѣтѣ, были лично докладываемы Сперанскимъ Императору. Такимъ образомъ пріобрѣлъ онъ огромное вліяніе на всѣ министерства, изъ которыхъ всѣ важныя дѣла вносились въ совѣтъ, а не прямо къ Государю, какъ до того времени было. Очевидно, что такой новый порядокъ вещей не могъ правиться тогдашнимъ министрамъ. Всякая мѣра, представленная министер-

ствомъ и въ совѣтѣ не одобренная или измѣненная, по естественному порядку вещей оскорбляла-самолюбіе людей сильныхъ, которые прежде не подвергали своихъ мыслей и предположеній ни чьему разбору, и представляли ихъ прямо Государю. Легко понять, что отъ этого Сперанскій пріобрѣлъ много тайныхъ и явныхъ враговъ, которые желали и старались всѣми мѣрами поколебать силу его и съ каждымъ днемъ возраставшее довѣріе къ нему Императора. Ропотъ и пересуды всѣхъ дѣйствій Сперанскаго распространялись болѣе и болѣе въ высшемъ кругу, и тѣмъ сильнѣе, что ему не могли простить незнатное его происхожденіе и его мнимую гордость. Въ послѣднемъ порокѣ обвиняли его потому, что онъ съ утра до ночи, то занимаясь государственными дѣлами, то слѣдя за успѣхами наукъ, отказывался часто отъ самыхъ блестящихъ, звавшихся обѣдовъ, баловъ и вечеринокъ. Всякая новая мѣра правительства, даже самая благотѣльная и необходимая, была перетолковываема въ дурную сторону и приписываема Сперанскому. Отъ высшаго круга ропотъ и неудовольствіе противъ него распространились въ кругу среднемъ и даже въ народѣ.

Хотя я былъ ребенкомъ, но очень живо помню, какой гвалдъ и шумъ поднялся между всѣми коллежскими и титулярными совѣтниками всей Россійской Имперіи, когда состоялся указъ 6-го августа 1809 года о неповышеніи въ чинъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника безъ аттестата высшаго учебнаго заведенія, или установленнаго экзамена въ наукахъ. Ропотъ былъ такой, особенно между необразованными подъячими, родственниками и пріятелями ихъ, какъ будто бы грозила гибель отечеству, въ родѣ новаго нашествія Батыя. Сатиры, каррикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго, какъ изъ мѣшка, или мнѳологическаго рога изобилія. На одномъ публичномъ

маскарадѣ, бывшемъ въ то время, одна маска произвела общій хохотъ и вмѣстѣ негодованіе на Сперанскаго, что было предметомъ шума и городскихъ смелней на цѣлую недѣлю и даже больше. Какой-то острякъ, безъ сомнѣнія, какъ Кутейкинъ фонъ-Визина, убоявшійся бездны премудрости и потерявшій всякую надежду выдержать экзаменъ въ какой либо наукѣ, кромѣ чинованія и взяточлогія, нарядился въ старинный, фантастическій, каррикатурный мундиръ, и, на подобіе извозчика, прицѣпилъ къ воротнику, на спинѣ своей, четверугольный картонъ, на которомъ крупнѣйшими буквами было написано слѣдующее:

№ 1,200,301.

Вѣчнаго цеха

титularный совѣтникъ.

Замѣтивъ необыкновенное волненіе публики, полиція учтиво попросила этого господина снять со спины свою острогу.

Еще болѣе произвелъ волненія и неудовольствія, но только не въ публичномъ маскарадѣ, а въ высшемъ кругу общества и особенно въ дамскихъ гостиныхъ обѣдахъ столицъ, Высочайшій указъ, данный сенату 3-го апрѣля того же 1809 года. Въ началѣ этого закона было сказано:

«Поощреніе къ службѣ и возбужденіе всѣхъ силъ и способностей къ труду и дѣятельности на пользу общую, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ попеченій правительства. Сему существенному и необходимому правилу настоящее положеніе чиновъ при Дворѣ Нашемъ въ званіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ не соотвѣтствуетъ. Неудобства, отъ сего происходящія, тѣмъ болѣе ощутительны, что молодые люди, въ сін званія опредѣляемые, болшею частію припадающа къ знатнѣйшимъ домамъ русскаго дворянства, рожденіемъ, воспитаніемъ, способами имущества предопредѣлены быть надеждою отечества, наслѣд-

ствомъ тѣхъ заслугъ и личныхъ достоинствъ, коими предки ихъ, стяжавъ славу своего имени, передали имъ ее въ залогъ сохраненія и умноженія, завѣщали имъ искать почестей въ дѣлахъ, а не въ званіяхъ, и, въ подвигъ отечественныхъ пользъ, предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ.»

На основаніи этихъ уваженій предписано было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, прежде означеннаго указа пожалованныхъ и не состоящихъ ни въ военной, ни въ гражданской службѣ, оставить при прежнихъ правахъ ихъ, предоставивъ имъ избрать родъ дѣйствительной службы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Вновь же пожалованные камергеры и камеръ-юнкеры по тому же указу обязывались проходить службу военную или гражданскую съ первоначальныхъ чиновъ, паравнѣ съ прочими дворянами.

Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ указъ на всѣхъ тѣхъ, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, при первомъ желаніи перейти изъ придворной въ другую службу, имѣли право получать прямо чины 5-го и 4-го класса. Можно понять все негодованіе ихъ нѣжныхъ матушекъ, тетушекъ и бабушекъ до седьмой степени родства включительно.

Сперанскій, видя опасность своего положенія, откровенно изъяснилъ ее въ февралѣ 1811 года при отчетѣ Императору за 1810 годъ о дѣлахъ государственнаго совѣта, и просилъ уволить его отъ должности государственнаго секретаря. Государь не согласился на увольненіе и успокоилъ Сперанскаго, а 1-го января 1812 года пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Между тѣмъ вражда и зависть не дремали. Россіи грозило тогда вторженіе Наполеона со всѣми силами Европы.

Всѣ умы были взволнованы. Легко понять, какая бездна

заботъ и тревогъ обременяла тогда Государя. Инга, составившаяся противъ Сперанскаго, воспользовалась этимъ смутнымъ временемъ и успѣла наконецъ поколебать довѣріе Императора и возбудить противъ Сперанскаго важныя и сильныя подозрѣнія. Онъ совершенно неожиданно былъ приглашенъ вечеромъ, въ воскресенье, 17-го марта, въ зимній дворецъ, гдѣ Государь объявилъ ему одно за другимъ всѣ возникшія на него обвиненія. Сперанскій оправдывался и просилъ Государя о повелѣніи произвести строжайшее изслѣдованіе, которое обличило бы клевету и доказало его невинность. Государь объяснилъ, что тогдашнія обстоятельства Россіи представляли къ такому изслѣдованію неодолимые препятствія, и что на время онъ долженъ удалиться въ Нижній-Новгородъ. Разговоръ этотъ длился около двухъ часовъ. Между тѣмъ министръ полиціи—одинъ изъ главныхъ недоброжелателей Сперанскаго—опечаталъ всѣ государственныя и прочія бумаги въ его кабинетѣ. Государь, объяснивъ Сперанскому невозможность дать ему въ то время способы къ оправданію, обѣщалъ самъ заняться изслѣдованіемъ его дѣла и, со слезами на глазахъ, простился съ нимъ. Онъ проводилъ Сперанскаго до порога въ другую комнату, гдѣ былъ князь Голицынъ, и, молча, съ печальнымъ лицомъ удалился.

Сперанскій почти въ безпамятствѣ сѣлъ въ свою карету и поѣхалъ домой; тамъ ждалъ его министръ полиціи. Этотъ небольшой домъ великаго человека былъ каменный, двухъ-этажный, на самомъ концѣ лѣвой стороны Сергіевской улицы, и выходилъ однимъ фасомъ на эту улицу, а другимъ на улицу, идущую мимо Таврическаго сада. вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, я еще ребенкомъ бывалъ въ этомъ домѣ, и до сихъ поръ живо его помню.

Наступала ночь. Министръ, избѣгая огласки, распорядился, чтобы Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга ночью.

Домъ былъ, по его распоряженію, окруженъ въ извѣстномъ разстояніи полицейскими драгунами. Кибитка, запряженная тройкою, была уже готова, и частный приставъ, которому министръ поручилъ проводить Сперанскаго до Нижняго-Новгорода, былъ уже на лицо. Въ глубокую ночь Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга. Такъ какъ онъ вовсе не предполагалъ отправиться въ дальнюю дорогу, то у него не оказалось теплой шапки, которая была очень необходима по случаю довольно сильнаго мороза. Крѣпостной его камердинеръ Лаврентій, о которомъ будетъ говорено ниже, одолжилъ своему господину собственную, теплую шапку, которую онъ только что купилъ.

Разсказъ нашъ дополнитъ письмо очевидца—свидѣтеля этого происшествія—покойнаго отца моего (*)—къ М. М. Сперанскому изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ, отправленное въ 1812 году не черезъ почту, а особымъ, тайнымъ путемъ, ибо за всею перепискою со Сперанскимъ имѣлъ тогда надзоръ министръ полиціи.

Вотъ это письмо:

«Пользуясь сею вѣрною оказіею, я не буду описывать вамъ, мой премилосердый отецъ Михаилъ Михайловичъ, ни той сердечной скорби, какою поразило меня случившееся съ вами несчастіе, ни тѣхъ домашнихъ моихъ безпокойствъ, кои были слѣдствіемъ толь необычайнаго съ вами происшествія; но считаю лишь нужнымъ дать вамъ отчетъ

(*) Петръ Григорьевичъ Масальскій пзъ всѣхъ близкихъ Сперанскому людей сдвали не былъ его преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ. Любовь его къ Сперанскому, доходившая до обожанія, не звала предѣловъ. П. Г. не жалѣлъ, ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ сдѣлать М. М. пріятное или полезное, и въ письмахъ своихъ, особенно въ первое время послѣ удаленія Сперанскаго, не находя словъ, чтобъ выразить ему всю свою любовь и преданность, придумалъ по ярославскому старинному обычаю называть его *премилосердымъ отцомъ своимъ*.

въ томъ только, что до сего времени относительно къ вамъ здѣсь происходило.

О несчастіи вашемъ я узналъ ввечеру 17-го марта отъ М. А. М. (*), который въ то время, какъ министръ полиціи пріѣхалъ къ нему съ объявленіемъ Высочайшей воли, прислалъ за мною, по согласію на то министра полиціи. Причина, побудившая его къ тому, была та, что онъ,—не имѣя у себя денегъ не только на прожитокъ свой въ Вологдѣ, но даже на пополненіе казенной суммы въ комиссію военныхъ уставовъ, которую онъ позанимствовалъ,—просилъ меня, чтобъ я заплатилъ за него черезъ двѣ недѣли 7 тысячъ руб. министру полиціи и 5 тысячъ въ комиссію военныхъ уставовъ. Поелику М. П. помянутою семитысячною суммою одолжалъ М. А. на дорогу, другихъ же денегъ онъ никакихъ не имѣлъ, то я, убѣждаясь таковымъ критическимъ его положеніемъ, принужденъ былъ отозваться М. П., что я, если получу ожидаемыя мною деньги, то не премину заплатить ему помянутыя 7 тысячъ рублей. Что же касается до казенныхъ денегъ, М. А. для заплаты ихъ обѣщалъ доставить ко мнѣ пзъ Вологды вѣрующее письмо на продажу повгородскихъ его земель, которое я отъ него пыпѣ и получилъ, и буду всѣми мѣрами стараться, чтобы помянутый долгъ былъ заплаченъ въ комиссію, какъ возможно скорѣе. М. П., обезпечивъ вышеписаннымъ образомъ данную имъ М. А. сумму, и послѣ того, оставя при немъ полицейскаго чиновника, самъ распрощался съ М. А. дружескимъ образомъ. Я вслѣдъ за нимъ стремглавъ бросился въ вашъ домъ; но по

(*) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Леоптьевича Магницкаго, который былъ подъ начальствомъ Сперанскаго, статскъ-секретаремъ въ государственной канцеляріи. Онъ былъ удаленъ въ Вологду въ тоже время, когда Сперанскому повелѣно было ѣхать въ Нижній-Новгородъ.

пріѣздѣ пайдя М. П. у васъ и узнавъ отъ Лав. (*), что вы изъ дворца еще не возвращались, я поѣхалъ искать васъ тамъ; но къ несчастію вы оттолѣ уже уѣхали. Послѣ сего возвратясь къ дому вашему, я нѣсколько разъ покушался взойти къ вамъ въ то время, какъ вы были съ М. П., но ужаса, который тогда мною овладѣлъ, я, никакъ преодолѣть не могъ, и потому, ходя около дома вашего до двухъ часовъ за полночь, я, при малѣйшемъ даже движеніи полицейскихъ драгуновъ, представлялъ совершенно трусливаго зайца. Такимъ образомъ, линась послѣдней отрады видѣть васъ, моего премилосердаго отца, при отѣздѣ вашемъ, и, возвратясь домой съ стѣсненнымъ горестью сердцемъ, я, на другой послѣ отѣзда вашего день, весьма рано увѣдомилъ о случившемся съ вами несчастіи какъ гр. В. П. К. (**), такъ и гр. П. А. Ш. (***), и просилъ ихъ, чтобы они употребили всѣ средства, дабы противъ всякой на васъ клеветы истребовано было отъ васъ письменное объясненіе. Гр. Ш. принялъ въ вашемъ положеніи истинное участіе и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить, что ежели вамъ нужно будетъ подать чрезъ него Государю письмо, то онъ тотчасъ сіе исполнить, но гр. К. (****) большою своею осторожностью удивилъ меня. Онъ сперва спрашивалъ меня о причинахъ вашего несчастія, но когда я ему отозвался, что я ничего не знаю, и что жизнью можно отвѣчать, что вы ни въ чемъ не виновны; то обратился къ другому вопросу, а именно: великое ли вы имѣете богатство? Я увѣрялъ его, что все, что вы имѣете, состоитъ лишь въ жалованьѣ, которое получалъ я за прошедшее время по посимымъ

(*) Лаврентій, крѣпостной человекъ и камердвперъ Сперанскаго.

(**) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

(***) Генералъ-адъютанта графа Павла Андреевича Шувалова.

(****) Графъ Кочубей.